

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:323(594)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-084-101

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ИНДОНЕЗИИ – НАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА

Алексей Юрьевич ДРУГОВ ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Аннотация: Многие проблемы современной Индонезии, в том числе политические, социальные экономические, прав человека, так или иначе связаны с религией. Вера в Бога фигурирует в преамбуле индонезийской конституции и таким образом обязательна для всех граждан, Индонезия не является секулярным государством. Религиозную окраску обретают проблемы социального неравенства, что порождает исламский радикализм. На местах не всегда соблюдается равноправный статус шести действующих в стране религий, привилегии отдаются Исламу. Центральное правительство реалистично оценивает ситуацию и принимает меры для преодоления этого сложного наследия. Особую опасность представляет радикальный исламизм, поскольку предполагает растворение индонезийского государства в рамках всемирного халифата, что в корне противоречит идеалам национализма.

Ключевые слова: Индонезия, религия, национализм, ислам, радикализм, права человека, социальные различия, противоречия, регионы, власть, правительство

Для цитирования: Другов А.Ю. Религиозная ситуация в Индонезии – национализм против радикального ислама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 5, № 4 (61). С. 84–101. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-084-101

Original article. Historical science

RELIGIOUS SITUATION IN INDONESIA: NATIONALISM AGAINST RADICAL ISLAM

Alexey Yu. DRUGOV ¹

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Abstract: Many problems Indonesia is facing nowadays, including political, social, economic and human rights ones, are in some way connected

to the religion. Belief in God is included in the preamble of Indonesian Constitution and therefore is compulsory for all citizens. Therefore Indonesia is not a secular state. Religious tint is borne by the problems of social inequality giving rise to Islamic radicalism. The local authorities sometimes do not observe equal status of the six religions present in Indonesia giving preference to Islam. The central government is realistic in analyzing the situation and is taking measures to overcome this complicated heritage. Radical Islamism is especially dangerous because it is aiming at the solution of the Indonesian state in world Chaliphate, which is quite contrary to Indonesian nationalism.

Keywords: *Indonesia, religion, nationalism, Islam, radicalism, human rights, social differences, contradictions, regions, power, government*

For citation: Drugov A.Yu. Religious Situation in Indonesia: Nationalism against Radical Islam. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 5, № 4 (61). Pp. 84–101. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-084-101

Многие политические проблемы, возникающие перед индонезийским обществом в наши дни, носят религиозную окраску, скрывающую вполне мирские корни. Борьба вокруг роли религии в существенной мере отражает специфику политического процесса в Индонезии. Абдуррахман Вахид, один из самых выдающихся мусульманских деятелей современной Индонезии, еще в 1994 г. подчеркивал, что религия используется для возбуждения подозрений по отношению к другим группам общества в интересах достижения сиюминутных целей. Неудивительно поэтому, что в прошлом имели место вооруженные выступления от имени религии или подавление определенных политических групп, как это имело место 30 лет назад¹. Имелось в виду активное участие исламистских группировок в погромах против левых сил в 1965–1966 гг.

Почти четверть века спустя, уже при другом политическом режиме в феврале 2017 г. вице-президент Ю. Калла признал, что в основе различных конфликтов лежат не религиозные факторы, а иные, в частности, политические и экономические². Это анализ представляется вполне обоснованным, но эта ситуация могла сложиться вследствие той роли, которую религия, прежде всего ислам, играет в обществе и государстве.

Официальная позиция заключается в том, что Индонезия не является религиозным (монорелигиозным) государством – все религии пользуются равными правами, как и граждане, их исповедующие. В то

же время Индонезия не является и секулярным государством, поскольку религиозность, вера во Всемогущего Бога, фигурирует в качестве первого пункта государственной идеологии и присутствует в преамбуле Конституции. Это фактически означает обязательную религиозность граждан, запрет атеизма. Конституция (ст. 28Е) оставляет за гражданами право исповедовать религию или верования и совершать соответствующие обряды по своему выбору. В Индонезии официальный статус имеют шесть религий – ислам, католичество, протестантство, индуизм, буддизм и конфуцианство, и одновременно присутствует множество верований, совмещаемых с перечисленными.

Графа «Вероисповедание» фигурирует во всех паспортах и удостоверениях личности.

В постановлении правительства №39 от 2010 г. среди девяти требований, предъявляемых к лицу, поступающему на военную службу, на втором месте после индонезийского гражданства значится религиозность (без указания конкретной религии) и только на третьем месте верность государству, его идеологии и конституции.

В 2002 г. в статью 31 Конституции был внесен п.5, который гласит: «Правительство содействует развитию науки и технологий, высоко неся религиозные ценности и национальное единство в интересах прогресса, цивилизации и благоденствия человечества». Обязательство «высоко нести религиозные ценности» было включено и в закон №12 от 2012 г. о высшем образовании. Как известно, различные религии в ряде случаев придерживаются разных толкований многих природных и социальных процессов, но это обстоятельство не обсуждается.

В то же время вице-президент М. Амин, видный мусульманский деятель, призвал своих коллег побуждать верующих овладевать знаниями в области науки и технологий. Религия, по его мнению, должна учить добру и благочестию, но не менее важно, чтобы люди владели научными и техническими знаниями в интересах благоденствия человечества. Выступая перед студентами Высшей исламской школы (Sekolah Tinggi Agama Islam), он заявил, что Индонезия хочет не плестись в хвосте, не быть посторонним зрителем, но стать победителем, и призвал молодежь до конца дней своих овладевать наукой, «как завещал Пророк». «Наша нация нуждается в умных, креативных и творческих кадрах, чтобы воплотить в жизнь идею национального прогресса»³.

Такая постановка вопроса как бы исключает противопоставление науки и религии. Но в реальных условиях Индонезии ситуация в

ряде случаев складывается иначе. В средствах массовой информации было опубликовано обращение к Конституционному суду адвоката Рига Феликс, который просил защитить ученых от применения к ним статьи закона об оскорблении религии. Юрист приводил случаи, когда ученые лишаются работы, если, выступая экспертами на судебных процессах, делают заключения, не укладывающиеся в рамки религиозных постулатов, и потому они не всегда осмеливаются придерживаться истины⁴.

В начале 2017 г. президент Джоко Видодо вызвал бурную полемику со стороны мусульманских деятелей, заявив, что опасно смешивать религию с политикой, поскольку это может привести к расколу в обществе – «одно от другого следует отделять, чтобы люди знали, **что** есть религия и **что** есть политика». Заместитель генерального секретаря Совета улемов Индонезии (СУИ) Тенку Зулкарнаин обвинил главу государства в том, что он пропагандирует либеральные ценности, которые могут преобладать только в западных обществах, и его организация будет всегда выступать против них. Еще в 2005 г. СУИ издал фетву, в которой объявил плюрализм, секуляризм и либерализм неприемлемыми для индонезийского общества. Но реакция была неоднозначной. Характерно, что заместитель председателя крупнейшей мусульманской организации Нахдатул Улама (Совет мусульманских богословов, НУ) поддержал заявление президента, указав на опасность втягивания религии в то, что он назвал «политическими сделками»⁵.

Президент позже заявил, что имел в виду недопустимость использования религии в качестве «товара в политической торговле». Но политика должна руководствоваться такими ценностями, как честность, мораль, духовность, верность долгу, которым учит религия⁶. Замечательно, что это заявление имело место вскоре после очередного всплеска исламского радикализма, направленного против избрания мэром столицы этнического китайца Басуки Чахайя Пурнама, протестанта по вероисповеданию.

В 2019 г. Джоко Видодо, баллотируясь на второй президентский срок, избрал своим партнером вместо бизнесмена и политика Ю. Калла видного мусульманского деятеля М. Амина, представляющего организацию Нахдатул Улама с ее 90 миллионами сторонников.

В Индонезии существуют различные взгляды на причины и истоки исламского радикализма и фундаментализма. Председатель одного из комитетов Народного консультативного конгресса Ахмад Басара считает, что Индонезии сейчас угрожают две транснациональные

идеологии. Первая – индивидуализм и либерализм, несущие в себе интересы мирового капитализма и рыночного фундаментализма. Вторая – религиозный фундаментализм. Его несут группировки, использующие бедность населения и призывающие к радикальным действиям людей, неустойчивых в своих религиозных взглядах⁷.

Видный мусульманский деятель Енни Вахид, дочь Абдурахмана Вахида, о котором упоминалось выше (он был известен своими реформаторскими взглядами), указывает, что, как показали исследования последних лет, одним из факторов, порождающих в людях радикальные взгляды, являются чувства тревоги, безнадежности, крушения надежд. Но этот фактор срабатывает не сам – его усугубляют провокационными посланиями на языке политики и религии. Есть два пути – бороться с теми, кто выступает в роли провокаторов, и устранить факторы, о которых идет речь. Это касается прежде всего молодежи⁸.

Группа индонезийских ученых еще в январе 2017 г. подала Джоко Видодо записку, в которой обозначила три фактора, порождающие в стране религиозную нетерпимость. В качестве первого они назвали систему образования и воспитания, где, по их наблюдениям, нетерпимость воспитывается, начиная с детских садов и кончая высшими учебными заведениями. Второй фактор – экономическое неравенство, в том числе и при использовании природных ресурсов. Третье – несовершенство законодательства, в частности, нарушение прав религиозных меньшинств, не принадлежащих к шести официально признанным верованиям⁹.

Многочисленные опросы и исследования показывают, что в Индонезии исламский радикализм отнюдь не представляет собой выбор социальных низов с невысоким образовательным уровнем. Его достаточно широкие проявления обнаруживаются в самых различных слоях общества. Как представляется, причин здесь несколько, и на одно из первых мест следует поставить определенную дискредитацию государственной идеологии в условиях растущего социального и имущественного неравенства. Демократические реформы последних 25 лет не остановили этот процесс. Принцип социальной справедливости, фигурирующий в преамбуле конституции, остался недостижимым идеалом, и это побуждает искать справедливость у Всевышнего, объявив ислам единственным ее носителем.

Одновременно в известном смысле радикальный ислам есть своеобразное ответвление национализма, противостояния Западу, начиная с его претензий на политическое доминирование и кончая наступлением западной культуры со всеми ее атрибутами, в том числе

и противоречащими человеческому естеству, включая, например, LGBT. Рядовому мусульманину претит западный либерализм, в соответствии с которым все формально зависит от избирателя, а на деле – от олигархов.

По данным аналитического центра Saiful Mujani Research and Consulting, угроза исламизации политической жизни и политической системы в Индонезии проистекает не от мусульманских партий, которые значительно уступают по своему влиянию светским партиям. В ряде мест курс на внедрение норм шариата осуществляется местными законодателями от этих последних. Нередко политики светской ориентации на местах, включая глав регионов, «тают», когда группировки исламистской ориентации обещают им взамен поддержку избирателей. Оказавшись во власти таких деятелей, Индонезия может стать шариатским государством без присутствия влиятельных исламистских партий, не имея президента-исламиста, не изменяя конституции, без вооруженных мятежей¹⁰.

Действительно, специфика ситуации заключается в том, что ни одна из четырех политических партий мусульманской ориентации, представленных в парламенте, не может претендовать на существенное влияние в общине. По итогам выборов 2019 г. они в общей сложности получили 171 мандат из 575 (30%). Только одна из них – Партия справедливости и процветания – находится в оппозиции правительству. Опрос, проведенный в 2021 г., т.е. через два года после выборов, показал следующую динамику. В 2019 г. проголосовали: за Партию национального возрождения 9,69%, за Партию справедливости и процветания – 8,21%, Партию единства и развития – 4,52%, Партию национального мандата – 6,84%. Если бы выборы проводились в 2021 г., то ПНВ получила бы 8,4%, ПСП – 5,1%, ПЕР – 2,7%, и ПНМ – 1,84% – в общей сложности около 18% против 30% двумя годами раньше¹¹.

При этом опрос, проведенный газетой «Компас» (опубликован 27.02.2023 г.), показал, что за мусульманские партии проголосовали бы только 13,6% избирателей в возрасте от 17 до 26 лет. В том числе 8,6% отдали бы голоса за три системные партии, а оппозиционная Партия справедливости и процветания получила бы 5% голосов.

Эта тенденция не обязательно отражает сокращение численности религиозно мотивированных избирателей – свою роль может играть разочарование в политике партий. Неслучайно, что число сторонников Партии национального мандата упало почти в четыре раза после ухода из нее радикального крыла во главе с Амином Раисом. В

то же время этот феномен касается и роли партий в современной Индонезии. Опросы, проводившиеся аналитическим центром Lembaga Survey Indonesia (последний раз в феврале 2023 г.), уже на протяжении ряда лет неизменно показывают, что по уровню общественного доверия на первом и втором местах стоят соответственно армия и президент, а на последних (13 и 14) местах соответственно политические партии и парламент вместе с местными органами власти.

Есть основания полагать, что ситуация усугубляется в результате предвыборной кампании в связи с выборами 2024 г., ознаменовавшейся бесчисленными переменами в составе партийных блоков и полемикой преимущественно вокруг кандидатур, а не программ. Это означает, в частности, что религиозно-политические процессы развиваются в различных слоях общества помимо рамок официальной политической системы.

Проведем некоторые данные об уровне исламского радикализма, почерпнутые из разных источников. По данным, приведенным журналом «Темпо» в 2019 г., три процента военнослужащих были заражены исламистскими идеями (ссылка на министра обороны Р. Рьякуду). В 2018 г. 63% школьных учителей проявляли нетерпимость к иноверцам. В 2017 г. 19,4% гражданских государственных служащих и 9,1% служащих предприятий госсектора не одобряли государственную идеологию. Среди поколения «Z» (14-19 лет) радикальные идеи разделяли 12,7% , а среди «milennial» (20-39 лет) – 12,4%¹². Глава Национального управления по борьбе с терроризмом Бой Рафли Амар констатировал распространение радикального исламизма в высших учебных заведениях как среди студенчества, так и среди преподавательского состава¹³. Он же в начале 2022 г. указал, что в мусульманских школах (песантренах) весьма распространены радикальные взгляды, включая побуждение к терроризму¹⁴. Это заявление вызвало резкую реакцию мусульманской элиты, усмотревшей в нем осуждение системы песантренов в целом. Б. Амар был вынужден принести извинения и сказать, что он имел в виду не школы в целом, а отдельных лиц, у которых были выявлены связи с террористами или соответствующие взгляды¹⁵.

Индонезийские аналитики отмечают рост числа женщин, причастных к терактам, причем, если раньше речь шла о сочувствии, то к началу 2020-х гг. уже имело место активное личное участие. Женщины нередко воспитывают своих детей в духе исламского радикализма. То же явление, включая женщин-камикадзе отмечает и антитеррористическое ведомство¹⁶. При этом аналитики указывают, что степень

религиозной нетерпимости часто повышается с повышением уровня образования, особенно в среде молодежи, причем в городах эта тенденция проявляется более отчетливо, чем в сельской местности¹⁷.

По данным спецслужб террористы сосредотачивают свои усилия на вербовке сторонников среди людей поколения *milennial*, которые ищут своего пути в жизни и не обременены какими-либо обязательствами. При наличии интернета этот процесс значительно облегчается¹⁸, хотя в целом число терактов в последние годы значительно снижается.

Что касается государственного аппарата, то 11 ноября 2020 г. 11 министров и глав ведомств (в том числе министр внутренних дел, главы спецслужб и другие) подписали совместное решение о борьбе против радикализма. Министр по делам совершенствования и реформирования бюрократической системы Чахью Кумоло сообщил, что в 2020 г. к нему ежемесячно поступало не менее 70 сообщений о проявлении исламистских настроений среди госслужащих¹⁹. В другом случае он заявил, что осуществляется пристальный и эффективный контроль во всех эшелонах государственных чиновников с целью установить пользуются ли они теми средствами информации, которые проповедуют радикализм и терроризм, а также настроения в их семейном окружении и характер их политической активности²⁰.

Вместе с тем, опрос, проводившийся аналитическим центром Lembaga Survey Indonesia, показал достаточно высокий уровень терпимости среди гражданских госслужащих. Из опрошенных 78,9% не возражали против того, чтобы их непосредственными начальниками стали лица другого вероисповедания, а 76,95% не против того, чтобы такие лица занимали руководящие посты в министерствах, ведомствах, местных органах власти, 69,3% согласны видеть иноверца губернатором и 70,6% - главой региона, мэром города²¹.

Более высокий уровень терпимости отмечается в тех регионах, где мусульмане составляют меньшинство. Высший уровень отмечен в провинции Восточная Нусатенггара (83,3%), Бали (81,6%), Молукки (81,3%), Низший уровень – Аче (62,8%), Лампунг (65,9%), Западная Суматра (62,9%). (Данные опросов в июле-декабре 2015г.)²².

В целом, по данным опроса, проводившегося в 2020 г., лишь 12,2% опрошенных придерживались радикальных исламистских взглядов. Но те же исследования показали, что две трети СМИ религиозного направления склонны к пропаганде нетерпимости²³. Как справедливо отметил корреспондент сингапурской газеты «Стрейтс таймс» (16.10.2019). хотя для большинства мусульман Индонезии ха-

рактерны умеренные настроения, голоса фундаменталистов звучат громче и их легче вывести на улицы.

Противоречивость ситуации заключается, в частности, в том, что радикальный исламизм не соответствует индонезийскому национальному самосознанию, поскольку имеет конечной целью объединение всех мусульман мира в рамках единого халифата. В заявлении руководства организации «Нахдатул Улама» (НУ) в связи с ее столетием в феврале 2023 г. говорилось, что на смену прежней точке зрения, коренящейся в старых традициях и заключающейся в стремлении объединить всех мусульман под эгидой всемирного халифата, должно придти новое воззрение. Как показали реальности последних лет, в том числе ИГИЛ, такие попытки в конечном итоге приводят к хаосу и противоречат основам религии, ее пяти принципам - сохранять жизнь, сохранять религию, сохранять разум, сохранять семью и сохранять собственность²⁴.

В начале 2023 г. НУ выступила с доктриной, получившей название «Индонезийский ислам» (Islam Indonesia) или «Ислам индонезийского архипелага» (Islam Nusantara). В основе этой доктрины лежат те позиции, которые изложены выше. Комментируя эту инициативу, газета «Джакарта пост» (08.02.2023) пришла к выводу, что НУ стремится сформулировать правовые нормы ислама и сформировать собственную школу мышления в соответствии с интересами мира во всем мире и Уставом ООН. Высказывалось предположение, что эта доктрина должна быть доведена до сведения всей международной ответственности и НУ имеет для этого все основания как организация, хранящая национальные ценности и одновременно учитывающая происходящие внешние перемены.

Эта оценка представляется вполне оправданной. Доктрина «Индонезийского ислама» призвана сочетать интернациональные по своей природе основы мусульманской религии с индонезийским национализмом, во многом великодержавным. Лидер мусульманской Партии национального мандата Зулкифли Хасан считает, что Индонезия должна уберечься от идеологии транснационального ислама и твердо придерживаться «срединного ислама», для которого характерна умеренность, и нести не только религиозную миссию, но и общечеловеческую²⁵.

В то же время, по данным антитеррористического ведомства в стране сохраняются подпольные структуры зародившегося в 1950-х гг. движения «Исламское государство Индонезии» (Negara Islam Indonesia), которое отрицает законность существующей власти, объяв-

ляет ее еретической и богопротивной и имеет сеть подпольных ячеек с вербовкой и обучением кадров, начиная с детского возраста²⁶. Глава аппарата президента Мулдоко говорит об этом движении: «Не заблуждайтесь: они среди нас. Они действуют и оказывают свое влияние среди гражданских служащих, аппарата безопасности, студентов, вплоть до предпринимателей»²⁷.

Проблема в том, что религиозные и национальные ценности нередко приносятся в жертву текущим узкополитическим интересам. Одним из самых ярких примеров политизации ислама в последние годы было так называемое дело Ахока – так в политическом обиходе называют Басуки Чахайя Пурнама, баллотировавшегося в 2017 г. на выборах на пост мэра Джакарты. Он уже занимал этот пост в качестве исполняющего обязанности с 2014 г., когда прежний мэр Джоко Видодо стал президентом страны. Противники Ахока, этнического китайца, протестанта по вероисповеданию, делали упор на то, что мусульмане не должны голосовать за иноверца. Выступая в одном из районов столицы, он призвал присутствовавших не поддаваться тем, кто пытается их одурачить ссылаясь на 51-й стих пятой суры Корана: «О, вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам один из них. Поистине, Аллах не ведет людей неправедных» (перевод И.Ю.Крачковского). Оппоненты Ахока во главе с радикальным Фронтом защитников ислама развернули против него кампанию по обвинению в оскорблении Корана и богохульстве, добившись судебного процесс и осуждения Ахока на два года тюремного заключения. У него, весьма способного деятеля, было немало сторонников, но никто не выступил с позиций государственности – использование против него религиозного и этнического фактора было прямым нарушением конституции, официальной идеологии и национального девиза «Единство в многообразии». Впрочем, следует признать, что определенные вводы были сделаны. В 2017 г. Фронт защитников ислама был распущен, а Совет улемов Индонезии, которые ранее выступал против Ахока, в середине 2017 г. издал фетву с запретом распространения ложной или клеветнической информации, возбуждения вражды и ненависти с использованием религиозных, расовых, этнических и социальных различий²⁸. Что касается Ахока, то после двухлетнего пребывания в заключении он получил достаточно престижный пост в государственной компании.

На местах к борьбе против исламского радикализма привлекаются не только спецслужбы, но и армия. Так, командующий столич-

ным военным округом генерал-майор Унтунг Будихарто обозначил в качестве одного из направлений в этой борьбе недопущение проникновения радикальных элементов в ряды военнослужащих. Другое направление – укрепление связей с населением. Всем частям приказано составлять карты возможной деятельности радикалов и вести своими силами соответствующую воспитательную работу среди населения, разъясняя ему, какие опасности радикалы представляют для общества²⁹.

Генеральный штаб вооруженных сил Индонезии организовал 30 декабря 2022 г. совместное предновогоднее моление представителей шести официальных религий, когда шесть военнослужащих в чине от рядового до майора, представлявших эти религии, зачитали отрывки из своих священных книг³⁰.

Однако, как признает министр-координатор Махфуд М.Д., в среде общественности бытуют «неоднозначные оценки мер правительства по выявлению лиц, подозреваемых в причастности к терроризму и радикализму. Органы власти, которые задерживают таких лиц, иногда обвиняют в дискриминации, антидемократизме и т.п.»³¹.

В 2022 г Управление по борьбе с терроризмом в рамках полиции выступило с идеей создания «идеологически устойчивых деревень». В рамках этих населенных пунктов на самом низовом уровне сержанты-наставники, служба безопасности, религиозные деятели и представители сельских общин должны разъяснять населению, какие опасности создают терроризм, радикализм и религиозная нетерпимость, отслеживать появление посторонних лиц³².

Четвертого сентября 2023 г. глава антитеррористического ведомства выступил на заседании парламентской комиссии с предложением установить контроль государственных органов над содержанием проповедей и других выступлений во всех мечетях и других религиозных объектах на предмет выявления случаев насаждения идей ненависти, насилия, радикализма. Он при этом сослался на опыт Сингапура, Малайзии и ряда стран Арабского Востока, где такой контроль осуществляется³³.

Эта инициатива встретила неоднозначную реакцию. Критика последовала со стороны представителей Совета улемов, Союза христианских церквей и в парламентских структурах с упором на то, что такой контроль противоречил бы конституционным нормам свободы вероисповеданий и был бы равносителен возвращению к временам «нового порядка».

В этих опасениях была существенная доля истины, но ни один из критиков не предложил реальной системы борьбы против радикализма в рамках самих религиозных институтов и сотрудничества между нами. Тем не менее, глава антитеррористического ведомства счел необходимым внести коррективы и высказался в том смысле, что государственные структуры должны честно сотрудничать с духовенством и общественностью. При этом он заявил, что опыт тех стран, на которые он ссылался раньше, для Индонезии не подходит, не объясняя это признание³⁴.

Религиозная ситуация тесно переплетается с проблемой прав человека. Как говорилось выше, религиозность является обязательной для граждан и пункт «вероисповедание» присутствует в паспортах и других аналогичных документах. Отказ от его заполнения фактически невозможен. Как указывала мусульманская газета «Республика», в Индонезии нет уголовноправовых норм, обращенных против граждан, объявляющих о своем атеизме. «Но есть другие, социальные законы, на основании которых их будут преследовать, включая презрение со стороны их окружения... Поскольку атеист нарушает конституцию, он в глазах закона утрачивает определенные права и подвергается общественным санкциям»³⁵.

Суть проблемы здесь в том, что государство, начиная с пункты «веры в Бога» в преамбуле конституции, приняло на себя роль распорядителя правовых норм, касающихся религиозных убеждений граждан, а не просто обеспечения свободы вероисповедания. Характерный пример в этом отношении дает ситуация, возникшая в связи с решением Верховного суда Индонезии, который циркуляром №2 от 2023 г. запретил судебным органам удовлетворять апелляции граждан, которым местные органы отказывают в регистрации брака как принадлежащим к различным религиям и верованиям. В соответствии с законом №1 от 1974 г. законным считается брак, заключенный в соответствии с религией или верованиями супругов. Этот закон трактуется как запрещающий вступления в брак «иноверцам». Аналитики отмечают, что его обходят различными способами, поскольку альтернатива - внебрачное сожитие, но так или иначе, его существование ведет к нарушению прав граждан³⁶.

Примечательно реакция главы бюро по связям с общественностью Верховного суда Индонезии Сунарди на критику в адрес упомянутого выше циркуляра как нарушающего права человека. «Осуществление основных прав человека в Индонезии отличается от секулярных государств. В Индонезии ориентиром являются принципы

государственной идеологии, нормы которой представляют собой основу законодательства, а первым принципом здесь выступает религиозность»³⁷.

В то же время Совет улемов Индонезии приветствовал решение Верховного суда, которое придает неоспоримый статус религиозным канонам и исключает попытки их нарушения»³⁸. Таким образом, религиозные законы обретают статус наравне с законами государства.

Однако Национальный женский комитет выразил озабоченность в связи с этим циркуляром и призвал к его отмене, указав, что имеет место пренебрежение конституцией и нарушение девиза «Единство в многообразии»³⁹. Отмечают, что в предыдущие годы имело место немало судебных решений в пользу межконфессиональных браков. Газета «Джакарта пост» в редакционной статье 29.07.2023 г. указывает, что рост числа таких браков в Индонезии в последнее время есть неизбежное следствие того, что общество становится более открытым, смешанным, где люди, принадлежащие к разным национальностям, расам и верованиям повседневно общаются между собой. Верховный суд своим циркуляром, противоречащим этой тенденции, уступил давлению консерваторов от религии. Кроме того, неясен статус детей, рожденных от межконфессиональных браков.

В Уголовном кодексе, одобренном парламентом в 2022 г., присутствуют статьи, предусматривающие уголовное наказание за внебрачное сожитие и прелюбодеяние. Это вызвало критику в либеральных и даже официальных кругах США и Австралии, усмотревших в этом нарушение прав человека. Мусульманская газета «Република» выступила с одобрением этих статей, делая упор на то, что большинство индонезийцев исповедуют ислам, а с точки зрения этой религии суверенные права человека могут быть признаны лишь постольку, поскольку они не противоречат Корану и Сунне⁴⁰. И вновь за исходный пункт принимаются не исторически сложившиеся нормы общества, а догмы религии.

Серьезной проблемой остаются межрелигиозные отношения, что находит, в частности, отражение в трудностях, которые испытывают христиане в получении разрешения на строительство храмов. В соответствии с директивой двух ведомств – Министерства по делам религий и Министерства внутренних дел – такое разрешение должны давать главы районов (кабупатенов) или мэры городов. Председатель Союза церквей Индонезии Гоман Гултом считает, что эта директива скорее ограничивает права верующих, чем благоприятствует им. В конечном итоге выдача разрешения ставится в зависимость от мест-

ных социальных и политических процессов, и христиане, находящиеся в меньшинстве, имеют весьма незначительные шансы⁴¹. На десятилетия затянулся процесс выдачи разрешений на строительство церквей в Богоре (близ Джакарты) и Чилегоне (в этом городе число католиков и протестантов едва превышает 1,5%). Местные власти под давлением радикальных мусульман ссылаются на отсутствие согласия в среде общественности по этому вопросу.

В городе Синтанг на западном Калимантане местные жители разгромили мечеть, принадлежавшую мусульманской секте Ахмадия. (Ее сторонники считают, что Мохаммад не был последним пророком). Журнал «Темпо» (31.01.2022), комментируя это событие, указывал, что подобные случаи имеют место и в других регионах. Власти часто запрещают деятельность меньшинств под предлогом предотвращения нападений со стороны большинства или сохранения социальной гармонии. Они занимаются не предотвращением агрессии, но, напротив, подавлением и дискриминацией меньшинств. Казус в Синтонге дополняет список подобных эпизодов. Под давлением большинства власти опечатали эту мечеть.

Как отмечают аналитики, ряд законодательных актов на национальном и местном уровнях принимаются в угоду большинству и при этом игнорируются права меньшинств, а правоохранительные органы не всегда предпринимая должные меры против насильственных проявлений нетерпимости⁴². Более того, по данным антитеррористического ведомства, распространение радикальных исламистских идей отмечается и в среде полицейских⁴³.

В начале 2023 г. в эту ситуацию довольно решительно вмешался президент Джоко Видодо. Он заявил, что свобода вероисповедания обозначена в конституции и на ее осуществление не требуется чьего либо согласия, она должна обеспечиваться безусловно. Характерно, что его слова были адресованы не только главам административных районов, но и полицейским и военным структурам на всех уровнях⁴⁴. Его позиция встретила активное одобрение Совета церквей. Председатель Союза Гоман Гултом заявил, что в ряде случаев аппарат безопасности, призванный защищать права верующих, нередко идет на поводу у определенных группировок, а главы регионов поддаются их давлению. Он призвал президента использовать все свои полномочия для принятия жестких мер против тех представителей власти, которые не исполняют положений конституции, обеспечивающих свободу вероисповеданий, в частности отдать распоряжение полиции принимать

должные меры против группировок, которые нарушают права верующих⁴⁵.

Проявления религиозной нетерпимости имеют место даже в школах. Парламентская фракция Демократической партии Индонезии (борющейся) в августе 2023 г. направила в городской совет Джакарты запрос в связи с такими фактами в школах города. В их числе принуждение девочек, в том числе и немусульманок, носить мусульманский головной платок (джилбаб). В одной из школ было запрещено избирать председателем ученического совета немусульман, и всех учеников принуждали носить мусульманские одежды в период мусульманского поста, выполнять нормы ислама вне зависимости от вероисповедания⁴⁶.

Особое место среди проблем, относящихся к правам человека, занимает ситуация в провинции Аче (северная оконечность острова Суматра). В свое время президент М.Сукарнопутри в целях нейтрализации радикально-исламистского сепаратистского движения в Аче дала согласие на введение в этой провинции обязательного соблюдения норм шариата. Сепаратистское движение как бы сошло на нет, однако, действующие нормы выходят за рамки элементарных человеческих прав, включая публичное побивание палками за нарушение норм шариата. Так, газета «Республика» 30марта 2022 г. опубликовала сцену бичевания женщины, которая вместе с партнером, с которым она не состояла в браке, была приговорена к 13 ударам (он к 17) и срокам заключения за пребывание наедине в жилом помещении вопреки законам шариата. В августе 2023 г. правительство Аче издало уже на государственном уровне закон, запрещающий мужчинам и женщинам, не состоящим в браке или родстве, находиться вместе в общественных местах или наедине в жилых помещениях. Как заявил официальный представитель местных властей, ставится задача к 100-й годовщине независимости (2045 г.) сформировать поколение, искренно приверженное к исламским ценностям в повседневном обиходе⁴⁷.

Правительство района (кабупатена) Большой Аче 13 февраля 2013 г. издало официальное распоряжение, запрещающее отмечать День Святого Валентина в какой бы то ни было форме. О всех нарушениях наложит сообщать шариатской или государственной полиции, которая таким образом привлекается к урегулированию сугубо религиозных проблем⁴⁸.

Чиновник аппарата президента Индонезии Аю Картика Деви, совершив поездку по провинциям Аче, Западная Суматра и Центральное Сулавеси, пришла к выводу, что проблема религиозной нетерпи-

мости остается в этих регионах весьма насущной, хотя и отметила определенную активность, в том числе и молодого поколения в пользу ее решения⁴⁹.

Надо, однако, признать, что в целом ситуация в Аче остается вне общественного обсуждения – ни политические партии, ни общественные организации не дают оценки этим событиям, которые прямо противоречат и Конституции, и правам человека, и государственной идеологии.

В то же время официальные лица активно высказываются в других случаях в связи с опасностью агрессивного исламского радикализма. Министр по делам религий Лукман Хаким Саифуддин обратился ко всем, кто выступает с проповедями и речами в храмах, с призывом способствовать духовному совершенствованию людей, не допускать высказываний, содержащих ненависть, клевету и недостойные выражения. Недопустимы оскорбления и унижительные высказывания по отношению к другим религиям и верованиям, призывов к дискриминационным, анархистским, деструктивным акциям. Не следует использовать проповеди в интересах практической политики или продвижения бизнес-интересов. Проповеди не должны противоречить четырем столпам индонезийской государственности – национальной идеологии, конституции, принципам унитарного государства и девизу «Единство в многообразии», способствовать разжиганию межэтнических, межконфессиональных, межрасовых и социальных противоречий⁵⁰. Это обращение министра интересно прежде всего тем, что дает достаточно объемную и, видимо, объективную картину религиозной ситуации.

При этом необходимо учитывать особенности традиционной политической культуры индонезийских этносов. Среди них нерасположенность коренного населения, прежде всего яванцев к предпринимательской деятельности, что сказывается на материальном положении этого этноса, большинство которого составляют мусульмане. Профессор Хаедар Нашир, председатель второй по численности исламской организации Мухаммадья, пишет: «Если взять сто выдающихся предпринимателей, то среди них только 10% окажутся мусульманами. Если взять сто бедняков, то из них 90% мусульмане». Он указывает, что мусульманские организации не сосредотачиваются на экономических вопросах, и это ведет к тому, что в экономике мусульмане не составляют большинства и «остаются лишь пузырьками пены»⁵¹.

В этой связи вице-президент М. Амин, призвал руководителей школ-песантронов воспитывать в учениках борцов за экономическое

развитие, как в прошлом в этих школах воспитывали борцов против голландского колониализма. Он даже употребил термин «экономический джихад», имеющий целью повышать благосостояние и самообеспеченность мусульманской уммы и одновременно внести вклад в развитие страны в целом⁵².

Вторая особенность – религиозный эклектизм. Приверженность к религии сочетается с верностью обычному праву (адат), весьма различному для разных этносов и даже местностей. Приведем самый свежий пример. Житель деревни в провинции Восточная Нусатенггара, состоявший в законном браке, вступил в связь с девушкой, от чего она забеременела. Деревенский адатный суд наложил на него штраф в пользу девушки и будущего ребенка – три лошади, земельный участок и 5 млн рупий. В пользу жены – 25 кг риса, поросенок весом 50 кг (деревня не была мусульманской) и 15 бутылок традиционного местного напитка. Его любовница должна поднести его жене как потерпевшей саронг⁵³. Аналогичные случаи первенства обычного права отмечаются и в провинциях с мусульманским большинством населения.

Подводя итог, отметим, что предложенная тема представляется неисчерпаемой, учитывая весьма разноплановую роль религии в индонезийском обществе, а также те изменения, которые происходят в нем и соответственно воздействуют на эту роль. Повторимся: в известном смысле явления, носящие религиозную окраску, становятся индикаторами сугубо мирских процессов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 30.09.2023;
одобрена после рецензирования 18.10.2023;
принята к публикации 31.10.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey Yu. DRUGOV, DSc (Politics), Chief Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia, and Oceania Studies, IOS RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 30.09.2023;
approved 18.10.2023;
accepted to publication 31.10.2023.

¹ Kompas (Jakarta), 09.08.1994

² Republika (Jakarta), 28.02.2017

³ Antatra News/ 27.03.2022; Kompas, 14.07.2020

⁴ Detic.com, 23.07.2013

⁵ The Jakarta Post, 27.03.2017

⁶ Republika, 08.04.2017

⁷ Antatra News, 16.12.2016

⁸ Republika, 01.01.2022

⁹ Antatra News, 17.01.2017.

- ¹⁰ Berita, 19.08.2020
- ¹¹ Republika, 30.12.2021
- ¹² Natonal Tempo, 03.02.2022
- ¹³ Detic.com, 24.05.2022
- ¹⁴ Jawa Post (Jakarta), 27.01.2022
- ¹⁵ Detic.com. 29.01.2022.
- ¹⁶ Kompas, 03.04.2021; Republika, 13.01.2022
- ¹⁷ Antara News, 02.04.2022
- ¹⁸ Berita, 04.04.2021
- ¹⁹ Antara News, 07.05.2021
- ²⁰ Berita, 09.04.2022
- ²¹ Garta, 19.04.2021
- ²² The Jakarta Post, 11.02.2016
- ²³ Antara News, 04.01.2022
- ²⁴ Detic, 07.02.2023
- ²⁵ Antara News, 29.01.2022
- ²⁶ Antara News, 30.03.2022
- ²⁷ Suara Merdeka (Jakarta), 01.06.2017.
- ²⁸ Kompas, 23.04.2022
- ²⁹ Detic, 27.01.2022
- ³⁰ Gatra, 31.12.2022
- ³¹ Republika, 30.01.2022
- ³² Gatra, 21.01.2022
- ³³ Detic, 05.09.2029
- ³⁴ Detic, 06.09.2023
- ³⁵ Republika, 01.06.2023
- ³⁶ The Jakarta Post, 02.02.2023
- ³⁷ Detic, 30.08.2023
- ³⁸ Detic, 19.07.2023
- ³⁹ Republika, 28.07.2023
- ⁴⁰ Republika, 25.12.2022
- ⁴¹ Detic, 28.09.2022
- ⁴² Suara Pembaruan, 17.11.2019
- ⁴³ Tempo (Jakarta), 18.11.2019, hal.35
- ⁴⁴ Kompas, 17.01.2023
- ⁴⁵ Detic, 19.01.2023
- ⁴⁶ Kompas, 11.08.2023
- ⁴⁷ The Jakarta Post, 11.08.2023
- ⁴⁸ Detic, 13.02.2023
- ⁴⁹ Detic, 26.12.2021
- ⁵⁰ Gatra, 14.06.2017
- ⁵¹ Republika, 17.08.2023
- ⁵² Republika, 27.08.2023
- ⁵³ Kompas, 27.07.2023